

Габриэль Зевин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЛОГИКА СЧАСТЬЯ

Габриэль Зевин

Повседневная логика счастья

Издательство «Синдбад»

2014

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Зевин Г.

Повседневная логика счастья / Г. Зевин — Издательство
«Синдбад», 2014

ISBN 978-5-906837-70-7

В жизни книготорговца Эй Джея Фикри – черная полоса. Его жена умерла, книжный магазин вот-вот прогорит, самую ценную книгу – раритетное издание «Тамерлана» Эдгара По – украли. Фикри все больше замыкается в себе, отгораживаясь и от тех, кому он небезразличен. Даже книги больше не приносят ему радости... Но все изменится, когда Фикри обнаружит у себя в магазине таинственную незнакомку. Скоро он взглянет на мир по-другому, а мир узнает совсем другого Фикри.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-906837-70-7

© Зевин Г., 2014
© Издательство «Синдбад», 2014

Содержание

Часть 1	6
Роальд Даль. Агнец на заклание (1953)	6
Ф. Скотт Фицджеральд. Алмазная гора (1922)	16
Брет Гарт. Счастье Ревущего Стана (1868)	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Габриэль Зевин

Повседневная логика счастья

© Издательство «Синдбад», 2017

* * *

*Моим родителям, благодаря которым я выросла в окружении книг,
и парню, который много лет назад принес мне книжку с рассказами
Набокова*

*Друг другом давай дорожить, дорогая, Тот срок, что дано нам
прожить, дорогая.
Руми*

Часть 1

Роальд Даль. Агнец на заклание (1953)

Жена убивает мужа замороженной бараньей ногой, после чего скармливает орудие преступления копам. Более чем удобоваримое сочинение Даля, но у Ламбиазе возникает вопрос: станет ли опытная домохозяйка готовить баранью ногу описанным способом, то есть не размораживая ее и не выдерживая в маринаде. Ведь мясо будет сухим и жестким. Я не кулинар (и ничего не понимаю в преступлениях), но если эта деталь вызывает сомнения, то рушится весь сюжет. С этой оговоркой книгу можно принять – когда-то давно я знал одну девочку, которой нравился «Джеймс и гигантский персик».

Э. Дж. Ф.

На пароме, который вез Амелию Ломан из Хайаннис-порта на остров Элис, она накрасила ногти желтым лаком и, пока они сохли, стала просматривать записи, сделанные ее предшественником. «Книжный остров»: ежегодный объем продаж – около 350 тысяч долларов, в основном за счет летних месяцев, когда на Элис съезжаются отдыхающие, – сообщал Харви Родес. – Шестьсот квадратных футов торговой площади. Продавцов нет – только владелец. Крохотный отдел детской литературы. Присутствие в интернете в зачаточном состоянии. Работа с читателями практически отсутствует. Ассортимент с явным креном в сторону интеллектуальной литературы, что не может не радовать, но Фикри страшно разборчив, и, если бы не Ник, его вообще невозможно было бы убедить взять что-то новое. К счастью для него, «Остров» – единственный книжный в городе». Амелия зевнула (накануне малость перебрала) и задумалась: стоит ли один капризный книготорговец столь долгого путешествия. Но к тому моменту, когда лак на ногтях высох, сидящий в ней неисправимый оптимист взял верх над скептиком: ну разумеется, стоит! Как раз такие независимые лавочки и управляющие ими чудачки – ее специальность. Вообще-то талантов у нее много: она отлично выбирает вино к ужину (а потом подставляет плечо не рассчитавшим сил приятелям) и ладит с домашними растениями, бездомными кошками и собаками и другими лузерами. Не успела Амелия сойти с парома, как у нее зазвонил мобильный. Номер был незнакомый – по правде говоря, никто из ее друзей уже давно не использовал телефон в качестве телефона. Впрочем, это ее даже обрадовало. Амелия не принадлежала к числу людей, которые уверены, что услышать по телефону хорошую новость можно только от того, кого знаешь лично, да и то если ждешь звонка. В трубке раздался голос Бойда Флэнегана, третьего по счету никуда не годного кавалера, найденного через интернет. Полгода назад Бойд водил ее в цирк.

– Пару недель назад я посылал тебе эсэмэску, – сказал он. – Ты ее получила?

Амелия ответила, что недавно поменяла работу и ей пришлось обновить все гаджеты.

– Кстати, я что-то охладела к идее знакомиться через интернет. Похоже, это не мое.

Последнюю фразу Бойд пропустил мимо ушей.

– Не хочешь повидаться? – спросил он.

Для справки: на первом свидании в цирке новизна впечатлений отвлекла Амелию от того факта, что между ней и Бойдом нет ничего общего. Но под конец ужина скрывать от себя суровую правду об их несовместимости было уже невозможно. Сомнения зародились у нее, когда они не сумели договориться об аперитиве, и усилились, когда Бойд признался, что терпеть не может всякое «старье» – вещи, дома, собак и людей. Амелия не спешила с выводами, но ее

сомнения переросли в уверенность, когда на вопрос о том, какая книга оказала на него самое сильное влияние, Бойд ответил: «Основы бухгалтерского учета. Часть вторая».

Амелия вежливо отклонила предложение о новой встрече.

Услышав в трубке частое и прерывистое дыхание Бойда, она испугалась, как бы он не расплакался.

– Тебе что, плохо? – спросила она.

– Не надо меня опекать, – огрызнулся тот.

Амелия понимала, что должна повесить трубку, но не сделала этого. Ее разбирало любопытство. Какой толк в неудачных свиданиях, если о них нечего рассказать друзьям?

– Так чего же тебе надо? – поинтересовалась она.

– Как видишь, я не сразу позвонил тебе, Амелия, – проговорил он. – Я не объявлялся потому, что встретил кое-кого получше. Но у нас не сложилось, и я решил дать тебе второй шанс. Но ты не слишком задирай нос. Улыбка у тебя приятная, это да, но зубы явно больше нормы, как и задница. И потом, тебе уже не двадцать пять, хоть и пьешь ты как лошадь. И вообще, дареному коню в зубы не смотрят. – С этими словами дареный конь на том конце провода отчетливо всхлипнул и пробормотал: – Прости. Пожалуйста, прости.

– Все нормально, Бойд.

– Что со мной не так? В цирке тебе вроде понравилось? Да и я вполне себе ничего.

– Ты отличный парень. И в цирке было очень интересно.

– Должна же быть причина! Скажи мне честно.

К этому моменту причин не любить Бойда у Амелии накопилось уже достаточно. Она остановилась на одной.

– Помнишь, я сказала, что работаю в издательстве, а ты ответил, что не любишь читать?

– Да это снобизм! – возмутился он.

– Возможно. Слушай, Бойд, я на работе. Мне правда некогда. – И она повесила трубку.

Амелия не мнила себя красавицей, и ее совершенно не интересовало мнение о себе Бойда Флэнегана, с которым она никогда толком и не разговаривала. Просто она его последнее разочарование. У нее разочарований тоже хватало.

Ей исполнился тридцать один год, и она понимала, что пора бы уже завязать с кем-нибудь прочные отношения.

Но все же...

Оптимист в Амелии верил, что лучше быть одной, чем с кем-то, кто не разделяет твоих интересов. (*Да неужели?*)

Мать Амелии постоянно твердила дочери, что из-за книг она не видит реальных мужчин. Амелия обижалась, поскольку это подразумевало, что она читает исключительно любовные романы, населенные романтическими героями. Время от времени она действительно была не прочь почитать про романтического героя, но в целом ее литературные вкусы отличались большим разнообразием. Она восхищалась Гумбертом Гумбертом как литературным персонажем, но ни в коем случае не хотела бы, чтобы такой человек, как он, стал ее супругом, или бойфрендом, или даже партнером по одноразовой интрижке. То же самое касалось и Холдена Колфилда, и мистера Рочестера, и мистера Дарси.

Вывеска над крыльцом викторианского коттеджа, выкрашенного в пурпур, давно выцвела, и Амелия едва не проскочила мимо него.

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Эксклюзивный поставщик изящной

словесности на о. Элис с 1999 года

Человек лишь островок; книга – Вселенная

За кассой девочка-подросток листала новый сборник рассказов Элис Манро.

– Нравится? – поинтересовалась Амелия, которая обожала Манро, но читать книги, не входящие в список, успевала разве что в отпуске.

– По литературе задали, – ответила девочка, и этим было все сказано.

Амелия представилась сотрудницей отдела реализации «Найтли пресс», и школьница, не отрывая глаз от страницы, показала куда-то за спину:

– Эй Джей у себя.

В коридоре, заваленном неопрятными грудями каталогов и пробных изданий, Амелия, как обычно, испытала мгновенное чувство неудовольствия. Скорее всего, содержимое ее туго набитой сумки, от которой ныло плечо, переключает прямиком в бумажные завалы Эй Джея. О книгах из своего каталога она всегда рассказывала честно. Никогда не говорила, что в восторге от романа, если он ей не нравился. Чаще всего ей удавалось о любой книге сказать что-нибудь хорошее – если не о содержании, то об обложке, или об авторе, или о его веб-сайте. «Потому-то я и гребу деньги лопатой», – усмехнулась про себя Амелия. Она получала 37 тысяч долларов в год плюс премию за хорошие продажи; к сожалению, людям ее профессии премий в издательстве давным-давно не платили.

Дверь в кабинет Эй Джея Фикри была закрыта. Амелии оставалось до нее всего несколько шагов, когда она зацепилась рукавом свитера за стопку книг, и сотня (если не больше) томов с ужасающим грохотом обрушилась на пол. Дверь распахнулась, и на пороге появился Эй Джей Фикри. Он осмотрел место крушения, перевел взгляд на русоволосую великаншу, которая пыталась вернуть книги на место, и спросил:

– Кто вы такая, черт бы вас побрал?

– Амелия Ломан. – Она водрузила на вершину стопы с десятков томов, половина из которых тут же снова свалилась на пол.

– Бросьте, – скомандовал Эй Джей. – Они у меня разложены по порядку. Лучше отойдите – все равно не поможете. До свидания!

Амелия поднялась. Она была выше Эй Джея на добрых четыре дюйма.

– Но у нас же встреча!

– Нет у нас никакой встречи, – возразил Эй Джей.

– Нет, есть, – не согласилась Амелия. – На прошлой неделе я писала вам по поводу нашего зимнего каталога. Вы ответили, чтобы я приезжала в четверг или в пятницу, во второй половине дня. Я написала, что буду в четверг.

Их электронная переписка была краткой, но плодом ее воображения она точно не была.

– Вы из издательства?

Амелия облегченно кивнула.

– Напомните, из какого.

– «Найтли».

– В «Найтли пресс» работает Харви Родес, – сказал Эй Джей. – Когда я на прошлой неделе получил ваше письмо, я подумал, что вы помощница Харви или что-то вроде того.

– Я теперь вместо него.

Эй Джей тяжело вздохнул:

– А к кому ушел Харви?

Харви недавно скончался, и у Амелии было искушение отпустить циничную шутку насчет загробной жизни и новой должности Харви, но она сдержалась.

– Он умер, – сказала она. – Я думала, вы в курсе.

Большинство партнеров уже знали об этом. Харви был в их кругах живой легендой, насколько это понятие применимо к человеку, занимающемуся реализацией книжной продукции.

– В «Бюллетене Американской ассоциации работников книжной торговли» был некролог. И еще, кажется, в «Паблишерз уикли», – извиняющимся тоном добавила она.

– Я не слишком слежу за новостями книжного рынка, – произнес Эй Джей. Он снял очки в толстой черной оправе и принялся задумчиво их протирать.

– Мне очень жаль, если это стало для вас ударом, – сказала Амелия и положила руку ему на плечо.

– Каким еще ударом? – ответил Эй Джей, смахивая ее руку. – Мы были едва знакомы. Виделись три раза в год. Для дружбы маловато. И при каждой встрече он пытался мне что-нибудь впарить. Ничего себе дружба!

Амелия подумала, что Эй Джей сейчас не в лучшем настроении, чтобы смотреть зимний каталог, и что надо бы предложить ему встретиться в другой раз. Но эту мысль тут же сменила другая: два часа езды до Хайанниса, восемьдесят минут по морю до острова Элис... А паром после первого ноября ходит все реже и без всякого расписания.

– Раз уж я здесь, – сказала она, – может, взглянем на зимний каталог «Найтли»?

Кабинет Эй Джея напоминал чулан. В нем не было не только окон: ни одной картины на стенах, никаких семейных фотографий, ни безделушек на столе – ничего такого, за что мог бы зацепиться взгляд. Зато здесь было много книг. Они теснились на полках дешевых металлических стеллажей, делая помещение похожим на вагон; еще здесь имелся картотечный шкаф и допотопный, родом явно из прошлого века, компьютер. Эй Джей не предложил гостю даже стакан воды, и, хотя у Амелии пересохло в горле, сама она ни о чем его просить не стала. Убрала со стула книги и села.

Она раскрыла зимний каталог. В каждом издательстве он обычно самый короткий и скромный.

Пара-тройка перспективных (хотя бы в теории) дебютных романов, но в остальном – книги, на коммерческий успех которых никто и не рассчитывает. А вот Амелия больше всего любила именно «зимников». В отличие от баловней судьбы они своего гипотетического успеха ждут подолгу и шагают к нему тернистым путем. (В каком-то смысле это, по ее мнению, относилось и к ней самой.) Из числа последних ей особенно понравилась книга, написанная восьмидесятилетним стариком. Он всю жизнь прожил холостяком и женился только в семьдесят девять лет. Через два года после свадьбы его жена умерла от рака. Ей было восемьдесят три. Согласно биографической справке, в прошлом автор – журналист, писал на темы науки, сотрудничал со многими газетами и журналами, выходящими на Среднем Западе; его проза отличалась точностью выражений и юмором и была напрочь лишена слезливой сентиментальности. Амелия читала его «Цветок запоздалый» в поезде, когда ехала из Нью-Йорка в Провиденс, и, не сдержавшись, плакала. Книжка была совсем небольшая, и ее описание в каталоге не блистало оригинальностью, но Амелия не сомневалась: она многим придется по душе, надо только дать ей

шанс. Опыт Амелии говорил ей, что решение многих проблем зависит от малой толики везенья.

Она не дошла еще и до середины рассказа о «Цветке запоздалом», когда голова Эй Джея опустилась на стол.

– Вам нехорошо? – спросила она.

– Это не для меня, – сказал Эй Джей.

– Прочтите хотя бы первую главу. – Она протянула ему стопку бумажных листов. – Тема заезженная, не спорю, но ведь главное – как это написано...

– Это не для меня, – решительно оборвал ее Эй Джей.

– Ладно. Тогда взгляните вот на это...

Эй Джей испустил глубокий вздох.

– Я ничего против вас не имею, но ваш предшественник... Понимаете, Харви был в курсе моих предпочтений. Они у нас совпадали.

Амелия положила распечатку книги на стол.

– Так позвольте мне узнать ваши предпочтения, – сказала она и подумала, что эта реплика подошла бы героине порнофильма.

Эй Джей пробормотал что-то себе под нос. Вроде бы он буркнул: «А толку?» Впрочем, Амелия могла и ослышаться.

– Просто скажите, что вам нравится, мистер Фикри, – сказала она, закрывая каталог.

– *Нравится*, – раздраженно повторил он. – Давайте-ка я лучше скажу вам, что мне не нравится. Я терпеть не могу постмодернизм, постапокалиптические ужастики, повествование от лица покойника и магический реализм. На меня не производят впечатления всякие дизайнерские трюки наподобие игры шрифтами или никому не нужных картинок. Я считаю безвкусицей художественную литературу о холокосте и других мировых трагедиях – эту тему должна освещать только документалистика. Я на дух не выношу жанровую мешанину: всякие там интеллектуальные детективы или интеллектуальное фэнтези. У каждого жанра свои законы, и из их скрещивания редко выходит что-нибудь стоящее. Я не люблю детские книги, особенно про сирот, и предпочитаю не засорять свои полки подростковым чтивом. Я не признаю книг толще чем на четыреста страниц и тоньше чем на сто пятьдесят. Меня мутит от сочинений, написанных от имени звезд шоу-бизнеса, от книг о знаменитостях с кучей фотографий, от спортивных мемуаров, от книжных версий сериалов, от всякой модной муры и, само собой разумеется, от историй про вампиров. Я редко ставлю к себе на полки дебютные романы, женские романы, поэзию и переводные романы. Будь моя воля, я не взялся бы продавать ни одной книжной серии, но, увы, они пользуются спросом. Так что не надо расхваливать мне очередной шедевр – пока он не войдет в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», я вам не поверю. Одним словом, мисс Ломан, я не считаю, что приторные воспоминания старикашки, потерявшего свою умершую от рака старушонку, имеют право на существование. Даже если реализаторы превозносят до небес их литературные достоинства. И даже если вы поклянетесь мне, что к Дню матери я продам уйму экземпляров этой чепухи.

Амелия густо покраснела, но скорее от негодования, чем от смущения. Кое в чем она могла бы согласиться с Эй Джеем, если бы не его оскорбительная манера. Кстати, примерно половину из перечисленных им категорий литературы «Найтли пресс» не издает. Амелия окинула Эй Джея внимательным взглядом. Он старше ее, но не намного, максимум лет на десять. В этом возрасте, подумала она, человек еще не может быть таким занудой.

– Но что же вам все-таки нравится? – спросила она.

– Все остальное, – ответил он. – Иногда попадаются хорошие сборники рассказов, но покупатели их не берут.

В каталоге Амелии один сборник рассказов был. Из-за нехватки времени она его не дочитала и, скорее всего, уже никогда не дочитает, но первый рассказ оставил у нее хорошее

впечатление. В нем говорилось про две группы школьников – одну из Америки, другую из Индии, – которые участвовали в международной программе «Друзья по переписке». Повествование велось от лица индийского подростка, который учился в Америке и шуточки ради рассказывал своим американским ровесникам всякие небылицы об индийской культуре. Амелия, у которой давно пересохло в горле, прокашлялась:

– «Год, когда Бомбей стал Мумбаем». Думаю, это будет вам инте...

– Нет, – отрезал он.

– Я даже не успела сказать, что это за книга.

– Нет.

– Но почему?

– Признайтесь, вы ведь заговорили об этой книжке потому, что знаете о моем индийском происхождении и решили, что я непременно на нее клыну. Так?

Амелия мысленно обрушила на голову Эй Джей его ископаемый компьютер.

– Я упомянула о ней потому, что вы сказали, что любите рассказы! А это единственный сборник рассказов в моем каталоге. К тому же, – соврала она, – совершенно восхитительный от начала до конца, хоть это и авторский дебют. И знаете что? Лично я люблю новые имена. Мне нравится делать открытия. Может, я потому и выбрала эту работу.

Она встала. В голове стучали отбойные молотки. Пожалуй, следует меньше пить, подумала она. Стуку молотков в голове вторили удары сердца.

– Хотите знать мое мнение?

– Не особенно, – отозвался Эй Джей. – Сколько вам, двадцать пять?

– Мистер Фикри! У вас прекрасный магазин, но, если вы и дальше будете находиться в плену своих, своих... – В детстве Амелия заикалась, и при сильном волнении с ней всякий раз случалась та же неприятность. Она прочистила горло и выпалила: – В плену своих косных убеждений, никакого «Острова» больше не будет. – Она положила на стол «Цветок запоздалый» и зимний каталог, перешагнула через рассыпанные на полу книги и покинула магазин.

До ближайшего парома оставалось больше часа, и Амелия решила прогуляться по городу. Бронзовая табличка у входа в отделение Банка Америки напоминала о том, что некогда в этом здании находилась гостиница «Элис», в которой однажды летом останавливался Герман Мелвилл. Амелия достала телефон и сделала селфи на фоне таблички. Да, Элис – приятное местечко, но она сильно сомневалась, что в ближайшее время у нее появится повод сюда вернуться.

Телефон она убирать не стала и отправила сообщение шефу в Нью-Йорк:

«Похоже, заказов от «Острова» не будет». [Грустный смайлик]

Шеф ответил тут же:

«Не переживай. Заказчик не крупный, основные закупки обычно делает ближе к лету, когда ждет туристов. Владелец магазина со странностями, но весенне-летний каталог Харви ему продавал поллучше. Так что у тебя все впереди».

В шесть часов Эй Джей сказал Молли Клок, что она может идти домой.

– Ну и как тебе Манро? – спросил он.

– Почему сегодня все ко мне с этим пристают? – недовольно пробурчала девочка. Кроме Амелии, к ней никто не приставал, но Молли нравились преувеличения.

– Наверное, потому, что ты читаешь ее книгу.

Молли закатила глаза:

– Ну ладно. Персонажи у нее какие-то, не знаю, слишком человечные, что ли.

– По-моему, в этом-то все и дело, – сказал Эй Джей.

– Не знаю. Старые рассказы нравились мне больше. Ну, я пошла, до понедельника.

С Молли надо что-то делать, подумал Эй Джей, вешая на дверь табличку «ЗАКРЫТО». Книги она любит, но продает их из рук вон плохо. Правда, она работает неполный день, а возьмешь кого-то другого, его еще учить и учить... К тому же Молли не ворует книжки. И потом, раз уж Ник наняла не слишком приветливую мисс Клок, значит, что-то она в ней нашла. Ну ничего, может, к лету он соберется с духом и все-таки уволит Молли.

Эй Джей выпроводил последних посетителей (студентов-химиков, которые с четырех часов торчали у прилавка с прессой, но так ничего и не купили; похоже, в придачу один из них засорил унитаз в туалете) и сел подсчитывать выручку, что всегда наводило на него смертную тоску. Покончив с этим, Эй Джей поднялся к себе домой, на чердак. Отправив в микроволновку порцию замороженного виндалу и дожидаясь, пока пройдут указанные на упаковке девять минут, он задумался о девушке из «Найтли». Какая-то путешественница во времени, явившаяся из Сиэтла 1990-х: резиновые сапоги, разрисованные якорями, бабушкино платье в цветочек, бесформенный бежевый свитер и волосы по плечи, которые ей наверняка подстригает на кухне ее парень. Или девушка? Нет, все-таки парень, решил Эй Джей. Ему вспомнились фотографии Кортни Лав в ее бытность женой Курта Кобейна. Крупный красный рот сказал: «Никто не посмеет меня обидеть», но в голубых глазах читается: «А ты посмеешь и, скорее всего, так и сделаешь». И он, Эй Джей, довел этот божий одуванчик до слез. Молодец, нечего сказать!

На кухне явственно запахло виндалу, но на таймере оставалось еще семь с половиной минут.

Надо было чем-то себя занять. Желательно физическим трудом, не требующим особых усилий.

Он спустился в подвал и принялся резать канцелярским ножом картонные коробки из-под книг. Разрезал, расправил, сложил. Разрезал, расправил, сложил.

Эй Джея жег стыд за то, как он обошелся с девушкой из «Найтли». Она же не виновата, что он не знал о смерти Харви Родеса. Странно, что ему никто ничего не сказал.

Разрезал, расправил, сложил.

Впрочем, кто-то ведь наверняка говорил. Электронную почту Эй Джей просматривал невнимательно, а к телефону вообще не подходил. Может, его и на похороны звали? Не важно, он все равно бы не пошел. Они с Харви Родесом были едва знакомы. И точка.

Разрезал, расправил, сложил.

Все же... За последние шесть лет они провели вместе много часов. Ни о чем, кроме книг, не говорили. Но разве книги – не самое сокровенное в его жизни?

Разрезал, расправил, сложил.

И так ли уж часто удастся встретить человека, вкусы которого совпадают с твоими? Единственный серьезный спор разгорелся у них по поводу Дэвида Фостера Уоллеса. Случилось это вскоре после самоубийства писателя. Эй Джея выводил из себя благоговейный тон посвященных ему посмертных панегириков. Кроме одного приличного (хоть и не слишком глубокого и неоправданно затянутого) романа и нескольких малозначительных эссе, Уоллес ничего не написал.

– «Бесконечная шутка» – шедевр, – говорил Харви.

– «Бесконечная шутка» – испытание на выносливость. Если ты дочитал ее до конца, у тебя нет другого выбора, кроме как сказать, что она тебе понравилась. Иначе придется признать, что ты зря потратил время, – возражал Эй Джей. – Это красиво написанная пустышка, мой друг.

Харви побагровел лицом и навис над столом.

– Ты говоришь так обо всех писателях, которые родились в одно десятилетие с тобой!

Разрезал, расправил, сложил.

К тому времени, когда Эй Джей вернулся на чердак, виндалу почти остыл. Если повторно разогревать его в этом пластике, недолго и рак заработать.

Эй Джей поставил пластиковый контейнер на стол. Первый кусок обжигал язык. Второй был холодным как лед. Блюдо для мишки-папы и мишки-сына. Эй Джей швырнул тарелку об стену. Как мало он значил для Харви и как много Харви значил для него.

Почему так отвратительно жить одному? Да потому, что беспорядок, который ты устриваешь, кроме тебя никому убирать.

Нет. На самом деле проблема одиночки в том, что никого не интересует, почему тебе плохо, и никому нет дела, с какой стати тридцатидевятилетний мужчина бросается упаковкой виндалу, точно несмышленный карапуз. Эй Джей налил себе бокал мерло, застелил стол скатертью и пошел в гостиную. Щелкнул замком книжного шкафа, оборудованного системой климат-контроля, и снял с полки «Тамерлана». Вернулся на кухню и прислонил книгу к спинке стула, который обычно занимала Ник.

– Твое здоровье, засранец, – обратился он к тонкому томику.

Эй Джей выпил и налил себе еще. Осушив второй бокал, он дал себе обещание что-нибудь почитать. Кого-нибудь из давних любимцев. «Старую школу» Тобиаса Вулфа, к примеру. Хотя лучше, конечно, что-нибудь новенькое. О чем там распиналась эта чудачка из «Найтли»? «Цветок запоздалый»? Бррр. Он ни за что не изменит своего мнения. Нет ничего хуже слюнявых воспоминаний вдовцов. Особенно если ты, как Эй Джей, уже двадцать один месяц как овдовел. Ломан не виновата. Откуда ей было знать о его банальной личной трагедии? Господи, как же ему не хватает Ник. Ее голоса, шеи, даже подмышек. Они были шершавыми, точно кошачий язык, и в конце дня пахли молоком, которое вот-вот скиснет.

Три бокала спустя Эй Джей отключился прямо за столом. При росте пять футов семь дюймов и весе 140 фунтов он даже замороженным виндалу не подкрепился. Нынче вечером он точно ничего не прочтет.

– Эй Джей, – раздался шепот Ник. – Ложись-ка спать.

У него и правда слипались глаза. Люди затем и пьют, чтобы забыться.

Сотканное из винных паров привидение жены помогло Эй Джею подняться.

– Это свинство, умник. Понимаешь?

Он кивнул.

– Быстрозамороженный виндалу и красное вино за пять долларов.

– Я отдаю должное освященным веками обычаям предков.

Вместе с привидением он поплелся в спальню.

– Поздравляю, мистер Фикри, вы превращаетесь в настоящего алкоголика.

– Прости, – сказал он.

Она уложила его в постель. У нее были каштановые, коротко стриженные волосы.

– Ты подстриглась, – сказал Эй Джей. – Непривычно.

– Ты ужасно вел себя с той девушкой.

– Это из-за Харви.

– Разумеется, – сказала она.

– Не люблю, когда умирают знакомые.

– Поэтому ты и Молли Клок не увольняешь?

Он кивнул.

– Так нельзя.

– Можно, – возразил Эй Джей. – Я так жил и буду жить.

Она поцеловала его в лоб.

– Я просто говорю, что не хотела бы для тебя такой жизни.

И ушла.

В аварии не было виноватых. Ник отвозила домой писателя, который приезжал к ним на авторский вечер. Наверное, торопилась на последний автомобильный паром до Элиса. Возможно, на дорогу выскочил олень, и она пыталась его объехать. Или ее подвела зимняя массачусетская дорога. Этого уже никто никогда не узнает. Коп в больнице спрашивал, не была ли она склонна к суициду.

– Нет, – ответил ему Эй Джей, – ничего похожего.

Она была на третьем месяце беременности. Они пока никому не говорили. Им уже приходилось обжигаться. Сидя в комнате ожидания при морге, Эй Джей жалел, что они никому ничего не сказали. По крайней мере, у них был бы короткий период счастья перед длинной эпохой... Чего? Он еще не подобрал *этому* названия.

– Нет, она не была склонна к суициду. – Эй Джей помолчал. – Она ужасно водила, но не желала этого признавать.

– Да, – сказал коп. – Тут никто не виноват.

– Многие так говорят, – отозвался Эй Джей. – Но виноватые есть. Это она. Зачем она так глупо погибла? К чему эта бездарная мелодрама? Хуже пошлого романа Даниэлы Стил, слышишь, Ник? Опиши кто все это в книжке, я бы сию минуту ее закрыл и зашвырнул подальше.

Коп (не читавший почти ничего, кроме детективов Джеффри Дивера в бумажных обложках, да и то только в отпуске) попытался вернуть его к реальности:

– Да. У вас ведь книжный магазин.

– У нас с женой, – не подумав, уточнил Эй Джей. – Боже правый, в кого я превратился! В ходульный персонаж, который все время забывает, что его жена умерла, и продолжает говорить «мы». Штамп! Офицер... – Он прочел на жетоне имя копа. – Офицер Ламбиазе, мы с вами действующие лица дрянного романа. Понимаете? Как мы до этого докатились? Вы, вероятно, думаете про себя: «Вот бедняга!» А когда вернетесь вечером с работы, крепче обычного обнимете детишек, потому что в таких романах персонажи вроде вас всегда так делают. Понимаете, о каких романах я говорю, да? О произведениях так называемой высокой литературы, в которых прописан каждый второстепенный персонаж, толстых, как у Фолкнера. Смотрите, как автор внимателен к маленькому человеку. Простому человеку! Какая у него широта взглядов! Взять хоть ваше имя. Офицер Ламбиазе – типичное имя типичного массачусетского копа. Вы расист, Ламбиазе? Законы жанра требуют, чтобы вы были расистом.

– Мистер Фикри, – проговорил офицер Ламбиазе. – Давайте я позвоню кому-нибудь из ваших близких?

Эй Джею попался хороший коп, привыкший, что раздавленные горем люди склонны к хамству. Он положил руку ему на плечо.

– Браво, офицер Ламбиазе! – отозвался Эй Джей. – Именно это вы и должны были сказать. Вы превосходно играете роль! Не знаете, случайно, что теперь полагается делать вдовцу?

– Позвонить кому-нибудь, – ответил офицер.

– Пожалуй, вы правы. Но я уже позвонил родственникам жены. – Эй Джей кивнул. – Будь это короткий рассказ, мы бы с вами уже отстрелялись. Еще одна легкая шутка, и занавес. Вот почему из всех прозаических жанров самый элегантный – это короткий рассказ. У Раймонда Карвера вы сказали бы мне что-нибудь утешительное, а потом на меня навалилась бы тьма. И все, конец. Хотя это все-таки скорее роман. С точки зрения эмоционального воздействия. Его с наскоку не одолеешь. Понимаете?

– Не уверен. Я не читал Раймонда Карвера, – сказал офицер Ламбиазе. – Мне нравится Линкольн Райм. Знаете такого?

– Криминалист-паралитик. Неплохо для жанровой прозы. А рассказы вы когда-нибудь читали? – спросил Эй Джей.

– Разве что в школе. Сказки. Или этот, как его, «Рыжий пони». Кажется, нам задавали «Рыжего пони».

– Это повесть, – покачал головой Эй Джей.

– О, прошу прощения. Я... Пойдите, в школе мы читали рассказ про копа. История идеального преступления, что-то в этом роде. Потому, наверно, я его и запомнил. Там копа убивает собственная жена. Орудие преступления – замороженный говяжий окорок, который жена потом подает остальным...

– «Агнец на заклание», – перебил его Эй Джей. – Рассказ называется «Агнец на заклание», и нога там баранья.

– Точно! – обрадованно воскликнул коп. – Вы мастер своего дела.

– Это очень известная вещь, – сказал Эй Джей. – Родственники должны приехать с минуты на минуту. Простите, что назвал вас «второстепенным персонажем». Незачем было грубить, и потом, судя по всему, именно я – второстепенный персонаж в саге об офицере Ламбиазе. Копы гораздо чаще книготорговцев становятся главными героями. За вами целый жанр, сэр.

– Хм-м, – отозвался офицер Ламбиазе. – Тут вы, наверно, правы, но я хотел бы вернуться к этому рассказу. Меня, как полицейского, смущает хронология описанных в нем событий. Вот ставит она говядину...

– Баранину.

– Баранину, да. В общем, она убивает мужа замороженным куском баранины, а потом ставит мясо в духовку. Неразмороженным. Я не Рэйчел Рэй, но...

К тому времени, когда машину извлекли из воды, тело Ник уже начало остывать. Глядя в морге на ее синие губы, Эй Джей вспомнилось, как она, готовясь к вечеринке, которую организовала по случаю выхода очередного вампирского романа, накрашила губы черной помадой. Эй Джей всегда скептически относился к дурацкому пристрастию девчонок-выпускниц разгуливать по острову в бальных платьях, но Ник, которая была *без ума* от этой проклятой книги и написавшей ее женщины, уверяла, что вампирский маскарад не только полезен для бизнеса, но и дает возможность повеселиться.

– Помнишь, как было здорово?

– Смутно, – ответил он. – Давным-давно, когда у меня еще не было книжного магазина, а выходные и вечера я посвящал самому себе, запоем читая в свое удовольствие, это и правда было неплохо. Очень смутно, но да, помню.

– Позволь освежить твою память. Радость – это когда у тебя есть умная и красивая жена, рядом с которой легко и приятно проходит каждый день.

С тех самых пор у него перед глазами так и стояла эта картина: Ник в нелепом шелковом наряде цвета сажи обнимает правой рукой столбик крыльца, а на лице ее четкой линией чернеют губы.

– Увы, моя жена стала вампиром.

– Бедненький. – Она сошла с крыльца и поцеловала его, оставив на щеке след, похожий на синяк. – Придется и тебе стать вампиром. Сопротивление бесполезно. Тебе же хуже будет. Вампиры – это круто. Давай руку!

Ф. Скотт Фицджеральд. Алмазная гора (1922)

По форме – новелла. Но с определением этого жанра не все так просто. Окажись ты в компании знатоков, готовых яростно спорить на эту тему, – когда-то и я относил себя к их числу, – лучше, если ты разбираешься в предмете разговора. (В одном из университетов Лиги плюща¹ ты наверняка столкнешься с такими людьми. Всегда вооружайся против этих гордецов конкретными знаниями. Но я, кажется, отвлекся.) Э. А. По определяет новеллу как произведение, которое можно прочесть в один присест. Думается, в его время «один присест» длился дольше. Я опять отвлекся.

Закрученная, оригинальная история семейства, владеющего несметными сокровищами Алмазной долины, – история о том, насколько далеко готовы зайти богачи, чтобы защитить свой образ жизни. Тут Фицджеральд на высоте. «Великий Гэтсби», бесспорно, восхитителен, но местами этот роман кажется мне чересчур прилизанным, как городской парк с подстриженными деревьями. В коротких рассказах Фицджеральд раскованнее и неряшливее. «Алмазная гора» дышит, словно оживший садовый гном. Отвечая на твой вопрос, почему я взял «Гору». Не думаю, что должен повторять очевидное: перед тем как мы с тобой познакомились, я тоже кое-что потерял, трудно осязаемое, но для меня ценное.

Э. Дж. Ф.

Эй Джей проснулся. Он лежал в постели в одном белье. Как он очутился в спальне и когда успел раздеться, оставалось для него загадкой. Зато он помнил, что умер Харви Родес. Еще он помнил, что повел себя с хорошенькой сотрудницей «Найтли пресс» как последняя сволочь. Он помнил, что запустил в стену упаковкой виндалу; помнил первый бокал вина и тост за «Тамерлана». Последующее в памяти не сохранилось. С этой точки зрения вечер удался.

Голова болела нестерпимо. Покидая спальню, Эй Джей готовился лицом к лицу встретиться с останками вчерашнего виндалу. Однако на полу и стенах не было ни пятнышка. Он выудил из недр кухонного шкафа аспирин, мысленно поздравив себя с тем, что вечером ему хватило сообразительности ликвидировать следы своей несдержанности. Присев к столу, он с удивлением обнаружил, что пустой бутылки из-под вина тоже нет. Он редко проявлял подобную склонность убирать за собой, хотя некоторые прецеденты уже бывали. Может, он и пьяница, но отнюдь не опустившийся. Переведя взгляд на стул, за который он вчера усаживал «Тамерлана», Эй Джей не увидел книги на прежнем месте. Может, он только *подумал*, что вынул ее из шкафа?

Пока он шел в гостиную, у него стучало в висках, и каждый удар отдавался в сердце. На полпути к шкафу он заметил, что стеклянный саркофаг с кодовым замком больше не защищает «Тамерлана» от внешнего мира – распахнутый настежь, он зиял пустотой.

Эй Джей набросил халат, переобулся в беговые кроссовки, которые в последнее время по большей части пылились в углу, и выскочил из дома.

Он мчался по улице Капитана Уиггинса в застиранном клетчатом халате, развевавшемся у него за спиной, похожий на измученного истощенного супергероя. Не сбавляя хода, он свернул на центральную улицу острова Элис и ворвался в помещение полусонного полицейского участка.

¹ Я глубоко убежден, что хорошее образование можно получить не только в престижном университете.

– Меня ограбили! – выкрикнул он. Пробежка заняла всего пару минут, но он с трудом переводил дух. – Пожалуйста, кто-нибудь, помогите! – Он изо всех сил старался держаться так, чтобы его не приняли за пожилую даму, у которой украли сумочку.

Ламбиазе отставил чашку кофе и пригласил безутешного посетителя в халате присесть. Он сразу признал в нем владельца книжного магазина и вспомнил, что полтора года назад его молодая жена слетела с трассы в озеро. Ему показалось, что Эй Джей с тех пор заметно постарел, но в этом он не видел ничего удивительного.

– Хорошо, мистер Фикри, – произнес Ламбиазе. – Что же все-таки случилось?

– У меня украли «Тамерлана», – ответил Эй Джей.

– Какого такого Тамерлана?

– «Тамерлан» – это книга. Очень ценная книга.

– То есть кто-то унес из магазина книгу, не расплатившись?

– Нет. Это была *моя* книга, из моей личной коллекции. Это редчайший сборник стихотворений Эдгара Аллана По.

– Ваша любимая книга? – спросил Ламбиазе.

– Нет. Она мне даже не нравится. Это бредни, юношеские бредни. Это... – У него опять перехватило дыхание. – Черт.

– Успокойтесь, мистер Фикри. Я хочу понять. Вам не нравится эта книга, но она дорога вам как память?

– Нет! К черту память. Книга стоит баснословных денег. «Тамерлан» – это Хонус Вагнер² среди редких книг. Понимаете?

– Конечно. Мой старик собирал бейсбольные карточки, – кивнул Ламбиазе. – Неужели книга настолько ценная?

Эй Джей с трудом подбирал слова:

– Это первое, что Эдгар Аллан По написал в своей жизни, в возрасте восемнадцати лет. Настоящий раритет. Тираж составлял всего пятьдесят экземпляров, к тому же сборник вышел анонимно. На обложке вместо «Эдгар Аллан По» значится «Бостонец». За такую книгу можно получить до четырехсот тысяч долларов, в зависимости от ее состояния и конъюнктуры рынка редких изданий. Я собирался выждать пару лет, пока улучшится экономическая ситуация, и выставить «Тамерлана» на аукцион. А потом закрыть магазин и жить на вырученные деньги.

– Позвольте спросить, почему вы хранили такую вещь у себя дома, а не в банковском сейфе?

Эй Джей покачал головой:

– Не знаю. Сглупил. Наверное, мне нравилось держать ее под рукой. Приятно было смотреть на нее и понимать, что я могу в любой момент бросить работу. Я хранил «Тамерлана» в стеклянном шкафу-витрине с кодовым замком. Мне казалось, этого достаточно.

Единственное, что оправдывало беспечность Эй Джея, – то, что квартирные кражи на острове Элис случались нечасто, а если и случались, то преимущественно в летний сезон. На дворе же стоял октябрь.

– Так что же, злоумышленник разбил стекло? Или ему была известна комбинация замка? – спросил Ламбиазе.

– Ни то ни другое. Вчера вечером я позволил себе немного расслабиться. Чертов идиот. Я достал книгу из хранилища, чтобы она была у меня перед глазами. «Тамерлан» оказался плохим собутельником.

– Мистер Фикри, скажите, а книга была застрахована?

Эй Джей молча обхватил голову руками, что Ламбиазе воспринял как отрицательный ответ.

² Вагнер Хонус – американский бейсболист (1874–1955), выступавший за клуб «Питсбург Пайрэтс».

– Я напал на нее примерно год назад, через пару месяцев после смерти жены. Мне было жалко денег на страховку. И некогда было этим заниматься. В общем, не знаю. Причин миллион, одна глупее другой. Но главная – это то, что я дурак. Вот так-то, офицер Ламбиазе.

Ламбиазе не считал нужным обратить внимание Эй Джея на то, что со времени их последней встречи он из просто офицера стал начальником полиции.

– Сделаем вот что, – сказал он. – Для начала напишем заявление о краже. Скоро подойдет наш детектив – в межсезонье она работает на полставки, – и я направлю ее к вам. Она поищет отпечатки пальцев, другие улики. Может, удастся за что-то зацепиться. Кроме того, надо связаться с известными аукционерами, поговорить со специалистами. Если книга действительно редкая, ее появление на рынке не пройдет незамеченным. Кстати, разве владельцы всех этих дорогуших штук не вносят в определенный список, забыл, как это называется?

– Провенанс, – подсказал Эй Джей.

– Точно! Моя жена когда-то смотрела «Антикварные гастроли»³. Не видели эту передачу?

Эй Джей ничего не ответил, и Ламбиазе задал еще один вопрос:

– И последнее. Скажите, кто-нибудь еще знал о вашей книге?

– Весь остров, – фыркнул Эй Джей. – Сестра жены, Исмей, работает учительницей в средней школе. С тех пор как Ник... Одним словом, Исмей волнуется за меня и вечно старается куда-нибудь вытащить – подальше от магазина, подальше от Элиса. Примерно год назад она повезла меня на эту ужасную распродажу в Милтоне. «Тамерлан» лежал в одной коробке с еще полсотней книг, не представлявших ни малейшей ценности. Я заплатил за него пять долларов. Владельцы понятия не имели, с чем расстаются. Говоря откровенно, я чувствовал себя последней сволочью. Впрочем, теперь это не имеет никакого значения. Та же Исмей предложила выставить книгу в магазине: якобы это поднимет продажи, да и вообще станет местным культурным событием. Ну, я так и сделал, поместил ее в специальный бокс, и она все лето простояла у меня на витрине на самом видном месте. Я так понимаю, вы у меня в магазине ни разу не были?

Ламбиазе уставился на носки своих ботинок. Его охватило чувство неловкости, знакомое тысячам выпускников английских школ, так и не освоившим программу по литературе даже в минимальном объеме.

– Я не большой любитель чтения.

– Но детективы-то вы читаете?

– У вас хорошая память, – заметил Ламбиазе.

Это была чистая правда – Эй Джей никогда не забывал читательских предпочтений людей, с которыми его сводила судьба.

– Вам нравится Джеффри Дивер, да? Сейчас как раз появился еще один автор, который...

– Да-да, как-нибудь обязательно к вам загляну. А сейчас, может, позвонить кому-то из ваших близких? Сестру вашей жены зовут Исмей Эванс-Пэриш, кажется, так?

– Исмей на... – Эй Джей замер на полуслове, как будто у него в голове кто-то включил кнопку «Пауза», и он остался сидеть с остекленевшим взглядом и полуоткрытым ртом.

– Мистер Фикри?

Прошло не меньше полминуты, пока Эй Джей не очнулся.

– Исмей на работе, – как ни в чем не бывало сказал он. – Незачем ее беспокоить.

– Вы около минуты были в отключке, – произнес Ламбиазе.

– Что вы имеете в виду?

– Вы как будто впали в ступор.

³ «Антикварные гастроли» – британское телевизионное шоу, в котором эксперты-антиквары путешествуют по стране и оценивают предметы старины.

– О господи. Это приступ. В детстве они у меня часто бывали. Потом почти прошли. Изредка повторяются, на фоне стресса.

– Вам надо показаться врачу.

– Ерунда, со мной все в порядке. Правда. Я просто хочу найти свою книгу.

– И все же будет лучше, если вас осмотрит доктор, – не отступал Ламбиазе. – Вам сегодня досталось... Да и живете вы один. Я отвезу вас в больницу и позвоню родственникам вашей жены. А мы с ребятами пока займемся книгой.

В больнице Эй Джей долго ждал своей очереди, потом заполнил необходимые бумаги, потом ждал, потом разделся, потом опять ждал, потом сдал анализы, снова ждал, оделся, подождал, прошел обследование, подождал, разделся и наконец попал в кабинет терапевта. Врач – женщина средних лет – рассказ Эй Джея о припадке пропустила мимо ушей, зато заинтересовалась результатами обследования. Она сообщила, что показатели артериального давления и содержания в крови холестерина находятся у него в области верхнего предела нормы – для тридцатидевятилетнего мужчины, – и принялась расспрашивать Эй Джея о его образе жизни. Он на все вопросы отвечал честно.

– Я не алкоголик, но раз в неделю напиваюсь до беспамятства. Иногда курю, питаюсь полуфабрикатами. Почти не пользуюсь зубной нитью. Раньше я бегал на длинные дистанции, но давно забросил тренировки. Я живу один и практически ни с кем не общаюсь. С тех пор как умерла жена, я возненавидел свою работу.

– Это все? – спросила врач. – Вы еще молоды, мистер Фикри, но организм у вас не железный. Если вы хотите свести счеты с жизнью, для этого есть более простые и быстрые способы. Вы стремитесь умереть?

Он не сразу нашелся с ответом.

– Потому что, если это так, – добавила она, – я направлю вас к психиатру.

– Я не хочу умирать, – сказал Эй Джей. – Просто мне невыносимо тяжело. Вы считаете меня сумасшедшим?

– Нет. Ваше состояние вполне объяснимо. У вас трудный период. Начните с занятий спортом, – посоветовала она. – Уверю, вам полегчает.

– Попробую.

– Ваша жена была прекрасной женщиной, – сказала врач. – Я ходила в книжный клуб, который она организовала для мам с дочками. Моя до сих пор у вас подрабатывает.

– Молли Клок?

– Клок – фамилия моего мужа. А я доктор Роузен, – сказала она, постучав пальцем по беджику.

В коридоре тем временем разыгрывалась довольно обычная сцена.

– Вас не очень затруднит?... – спросила санитарка в розовом медицинском костюме, протягивая мужчине в вельветовом пиджаке с заплатками на локтях книжку в бумажной обложке.

– С радостью, – отозвался Дэниел Пэриш. – Как вас зовут?

– Джилл, как в считалке. «Джек и Джилл пошли на горку...» А фамилия Мейсис, как магазин. Я читала все ваши книги, но эта, по-моему, лучше всех.

– Таково мнение большинства, Джилл из считалки.

Дэниел не шутил. Ни одна из его книг не продавалась так хорошо, как первая.

– Вы не представляете, как она на меня подействовала! До сих пор, как ее вспоминаю, слезы наворачиваются. – Она наклонила голову и плечи, став похожей на гейшу. – Когда я ее прочитала, то решила пойти работать в больницу! Я тут совсем недавно. А уж когда узнала, что вы живете в нашем городе! Я так надеялась, что когда-нибудь вас тут встречу.

– Вы хотите сказать, что надеялись, что я попаду в больницу? – с улыбкой спросил Дэниел.

– Конечно нет! – ответила она, заливаясь краской и замахав руками. – Как вам не стыдно!

– Это вы верно подметили, – кивнул Дэниел. – Стыдно мне не бывает.

Впервые увидев Дэниела Пэриша, Ник сказала, что у него неплохие внешние данные, чтобы стать ведущим программы новостей на местном канале, но уже по дороге домой изменила мнение: «Нет, для диктора у него слишком маленькие глазки. Разве что объявлять прогноз погоды?..» – «Зато голос зычный», – заметил Эй Джей. «Это да. Если такой скажет, что гроза миновала, ты не сможешь ему не поверить. Даже если на тебя будет лить как из ведра», – добавила Ник.

Своим появлением в коридоре Эй Джей прервал его игривую беседу с санитаркой.

– Дэн! – воскликнул он. – А я думал, что приедет твоя жена. – Эй Джей никогда не отличался деликатностью.

– Она неважно себя чувствует, – прокашлявшись, объяснил Дэниел. – Как ты, старик?

Он всегда называл Эй Джея «стариком», нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что был на пять лет старше его.

– Я потерял состояние, и врач сказал, что я скоро умру, а в остальном все отлично. – Успокоительное подействовало, и будущее уже не казалось Эй Джею таким безнадежным.

– Отлично. Давай выпьем.

Дэниел повернулся к Джилл и прошептал ей что-то на ухо. Когда он возвращал санитарке книгу, Эй Джей разглядел на ее обложке написанный рукой писателя номер телефона.

– Бахус, щедрый бог вина, напои нас допьяна! – провозгласил Дэниел, направляясь к выходу.

Несмотря на то что Эй Джей был заядлым книголюбом и даже владел книжным магазином, писателей он недолюбливал, считая их неряхами, самовлюбленными эгоистами и глупцами, одним словом, людьми малосимпатичными. Он избегал встреч с авторами понравившихся книг, опасаясь испортить впечатление. К счастью, сочинения Дэниела ему никогда не нравились, включая ставший популярным первый роман. Чисто по-человечески Эй Джей находил его скорее забавным. Иначе говоря, Дэниел Пэриш был одним из его близких друзей.

– Я сам во всем виноват, – посетовал Эй Джей после второй кружки пива. – Надо было оформить страховку. И держать книгу в сейфе. И уж тем более не стоило по пьяни вынимать ее из шкафа. Не знаю, кто ее украл, но я тоже хорош. – Алкоголь в сочетании с успокоительным настроили Эй Джея на философский лад.

– Брось, Эй Джей, что толку себя винить, – сказал Дэниел, в очередной раз наполняя из кувшина его кружку.

– Это мне предупреждение, – продолжал Эй Джей. – Пора завязывать с выпивкой.

– Само собой, допьешь эту кружку, и баста, – подколот его Дэниел.

Они чокнулись. В бар вошла старшеклассница в джинсовых шортиках, таких коротеньких, что из-под их рваного края выглядывали ягодички. Дэниел впился в нее взглядом и ответственно поднял кружку.

– Вот это прикид! – воскликнул он. В ответ девочка показала ему средний палец. – Тебе надо завязывать с выпивкой, а мне – с походами налево. Но, когда я вижу такие вот шорты, решимость меня покидает. Ну и вечерок сегодня. Сначала санитарка! Потом шорты!

– Как продвигается новая книга? – спросил Эй Джей и отпил из кружки.

Дэниел пожал плечами:

– А что книга? Книга как книга... В ней будет энное количество страниц, будет обложка. Сюжет, герои, всяческие коллизии. Она станет отражением тех лет, которые я потратил на то, чтобы научиться писать, а потом на шлифовку мастерства. Но она наверняка не достигнет популярности моего первого романа, написанного в двадцать пять лет.

– Бедолага, – произнес Эй Джей.

– Что-то мне подсказывает, что награду «Бедолага года» получишь ты, старик.

– Должно же и мне хоть раз повезти.

– Брось. По – никудышный писака, а «Тамерлан» – его худшая книга. Закос под лорда Байрона, притом скучный. Я еще понимаю, если бы у тебя украли какое-нибудь приличное первое издание. Так что радуйся, что тебя избавили от мусора. Терпеть не могу всех этих собирателей, которые сходят с ума по бумажному хламу. Мысли – вот что важно, друг. И слова, – проговорил Дэниел Пэриш.

– Сэр, вы болван, – сказал Эй Джей и осушил кружку.

Расследование длилось месяц, что по меркам острова Элис тянуло на целый год. Ламбиазе и его команда не обнаружили на месте преступления никаких вещественных доказательств. Вор не только выбросил пустую бутылку и отчистил стену от остатков виндалу, но заодно стер и отпечатки пальцев. Следователи допросили всех, кто сотрудничал с Эй Джеем, и его немногих друзей и родственников. Беседы эти не дали никаких зацепок. Ни один книготорговец, ни один аукционный дом не сообщал о появлении на рынке ранее неизвестного экземпляра «Тамерлана». (Впрочем, аукционисты в подобных случаях предпочитают помалкивать.) Преступление перешло в разряд нераскрытых. Эй Джей лишился книги и подозревал, что больше никогда ее не увидит.

Надобность в стеклянном боксе отпала, и Эй Джей не знал, что с ним делать: редких книг у него больше не было. С другой стороны, бокс представлял ценность сам по себе – он обошелся ему почти в пятьсот долларов. В глубине души Эй Джей еще надеялся, что когда-нибудь поместит в бокс что-нибудь получше утраченного раритета. Кстати, когда он его покупал, ему сказали, что в нем можно хранить сигары.

Перспектива ухода на заслуженный отдых на горизонте больше не маячила, и Эй Джей продолжал читать пробные экземпляры, отвечать на электронные письма и телефонные звонки и даже сочинил пару-тройку рекламных листовок. По вечерам, закрыв магазин, он начал выходить на пробежки. С оздоровительным бегом связано множество неудобств, и чуть ли не самое из них большое заключается в том, что некуда деть ключи от дома. В конечном итоге Эй Джей решил оставлять входную дверь незапертой, рассудив, что красть у него больше нечего.

Брет Гарт. Счастье Ревущего Стана (1868)

Чересчур слезливая история о золотоискателях, которые усыновили краснокожего мальчика и нарекли его Счастьем. Впервые я прочитал ее в Принстоне, готовясь к семинару по литературе американского Запада, и она меня несколько не впечатлила. В рецензии (датированной 14 ноября 1992 года) я писал, что единственным достоинством рассказа являются колоритные имена персонажей: Коротыши, Кентукки, Чабан и прочие. Пару лет назад я зачем-то перечитал «Счастье Ревущего Стана» и рыдал так, что моя книжка в дешевом издании «Довера» совершенно раскисла. Сдается, с годами я становлюсь сентиментальным. Моя запоздалая реакция подтверждает теорию о том, что каждую книгу следует читать в определенный период жизни. Помни, Майя: то, что волнует нас в двадцать, не обязательно тронет в сорок, и наоборот. Это относится не только к литературе, но и к жизни.

Э. Дж. Ф.

Внарушение всех статистических закономерностей в первые недели после ограбления дела книжного магазина «Остров» медленно, но неуклонно шли в гору. Эй Джей объяснял этот успех фактором, мало известным экономистам и именуемым простым человеческим любопытством.

Добропорядочный обыватель (ДО), подходя к кассе магазина, как бы невзначай спрашивал:

– Ничего не слышно о «Тамерлане»? (Что в переводе означало: «*Не возражаете, если я воспользуюсь вашими неприятностями для собственного развлечения?*»)

– Пока ничего, – отвечал Эй Джей. (В переводе: «Жизнь все так же беспросветна».)

ДО:

– Рано или поздно найдется, я уверен. («Лично я в этой истории не пострадал, поэтому мне ничего не стоит смотреть на вещи с оптимизмом».) Есть у вас что-нибудь новенькое почитать?

Эй Джей:

– Да, есть интересные новинки. («Бери любую книгу с полки, не ошибешься. Ты тут месяцами, если не годами, не появлялся».)

ДО:

– В «Нью-Йорк таймс Бук-ревью» писали про одну книжку... Вроде как в такой красной обложке...

Эй Джей:

– Да-да, припоминаю. («Ничего себе описание. А что насчет автора, названия, сюжета? Может, она и правда в красной обложке, а в «Нью-Йорк таймс Бук-ревью» и правда есть на нее рецензия, только мне это мало поможет».) Что еще вы знаете об этой книге? («Ну давай, хоть намекни».)

Эй Джей отводил ДО к стеллажу с новинками в полной уверенности, тот (или та) покинет магазин, унося с собой добротную книгу в твердом переплете.

Как ни странно, смерть Ник произвела на его бизнес прямо противоположный эффект. Эй Джей открывал и закрывал «Остров» с хладнокровной пунктуальностью эсэсовца, но продажи на протяжении последовавшего квартала упали так, как не падали за всю историю существования «Книжного острова». Земляки сочувствовали Эй Джею, но, пожалуй, сочувствовали слишком *глубоко*. Ник была местной, своей. Их не могло не растрогать, что выпускница

Принстона (и, шутка ли, с отличием окончившая среднюю школу на Элисе) вернулась со своим на вид серьезным мужем в родные места, чтобы открыть здесь книжный магазин. Приятно наблюдать, как молодежь возвращается домой, – это вносит в жизнь разнообразие. Когда Ник умерла, выяснилось, что кроме скорби по ней у жителей Элиса нет с Эй Джем ничего общего. Считали они, что в случившемся виноват он? Кое-кто – да, считал. Почему он сам не повез домой того писателя? Они утешали друг друга и шепотом повторяли, что муж покойной всегда был немного странным – нет, при чем тут расизм? – чужаком; вы же не будете отрицать, что он не из наших (Эй Джей родился в Нью-Джерси)? Мимо магазина они проходили с тяжелым вздохом, как мимо кладбища.

Снимая с их карточек деньги, Эй Джей размышлял о том, что кража считается в обществе допустимой потерей, тогда как смерть отпугивает окружающих. К декабрю продажи снизились до обычного уровня. Интерес к ограблению иссяк.

* * *

В пятницу вечером, за две недели до Рождества, Эй Джей выпроваживал из магазина последних посетителей. У полки с детективами топтался мужчина в пуховике, не решаясь разориться на свежего Алекса Кросса.

– Двадцать шесть долларов... Что-то дороговато. Наверно, через интернет можно купить дешевле?

Эй Джей ответил, что не в курсе, и попросил мужчину поторопиться.

– Если вы хотите выдержать конкуренцию, вам надо снизить цены, – заявил тот.

– Снизить цены? *Снизить. Цены.* Как-то не приходило в голову, – вежливо отозвался Эй Джей.

– Хамите, молодой человек?

– Что вы, я вам благодарен. На ближайшем собрании акционеров «Острова» я непременно озвучу ваше инновационное предложение. Разумеется, мы должны думать о конкурентоспособности. Строго между нами, в начале двухтысячных мы не придавали этому вопросу большого значения. Я всегда считал это ошибкой, но совет директоров решил, что соревноваться между собой должны спортсмены на Олимпиаде, или первоклассники на скорость чтения, или производители зерновых. Но сегодня я буду рад сообщить им, что «Книжный остров» снова включается в конкурентную борьбу. Кстати, магазин закрыт. – И Эй Джей указал посетителю на дверь.

Не успел тот с ворчанием удалиться, как на пороге нарисовалась старушенция. Это была постоянная покупательница, и Эй Джей постарался скрыть свою досаду на ее поздний визит.

– О, миссис Камбербэтч, – воскликнул он. – К сожалению, мы уже закрываемся.

– Мистер Фикри, не смотрите на меня как Омар Шариф на Фатен Хамаму. Я очень на вас сердита.

Миссис Камбербэтч протиснулась мимо Эй Джея в торговый зал и бросила на прилавок толстую книгу в мягком переплете.

– Вот книга, которую вы мне вчера посоветовали. Ничего хуже я за свои восемьдесят два года не читала. Так что будьте добры, верните мне деньги.

Эй Джей перевел взгляд с книги на старушку.

– Что именно вам не понравилось?

– *Много* чего, мистер Фикри. Начать с того, что рассказчиком выступает Смерть! Мне восемьдесят два года, и мне было крайне неприятно читать пятьсот пятьдесят две страницы, написанные от лица Смерти. С вашей стороны рекомендовать мне такую книгу было в высшей степени бестактно.

Эй Джей извинился, хотя не чувствовал за собой никакой вины. Что за народ эти покупатели? Хотят покупать книги с гарантией, что она им понравится. Эй Джей начал оформлять возврат. Корешок мягкого переплета растрескался – больше он никому эту книгу не продаст.

– Миссис Камбербэтч, – не сдержался Эй Джей. – Судя по всему, вы все же читали эту книгу, и на первых страницах не остановились.

– Еще бы я ее не читала! – вспыхнула старушка. – Да я всю ночь не могла от нее оторваться, до того она меня разозлила. А мне, на данном этапе жизни, бессонные ночи ни к чему. Я уж не говорю о том, что пролила над этим романом реки слез! Надеюсь, мистер Фикри, в следующий раз, помогая мне выбрать книгу, вы учтете мои замечания.

– Разумеется, – сказал Эй Джей. – Примите мои извинения, миссис Камбербэтч. Но большинству наших покупателей «Книжный вор» понравился.

Закрыв магазин, Эй Джей поднялся к себе и переоделся в спортивный костюм. Он вышел на улицу через парадную дверь, по обыкновению оставив ее незапертой.

Эй Джей бегал кроссы в составе школьной команды и позже, в Принстоне. Он выбрал эту спортивную дисциплину главным образом потому, что все остальные привлекали его еще меньше, поскольку отрывали от чтения книг. В те годы ему казалось, что бегать по пересеченной местности может любой дурак. Школьный учитель физкультуры поэтически называл его надежным середняком, подразумевая, что в любой группе он финиширует с результатом чуть выше среднего. Возобновив пробежки после длительного перерыва, Эй Джей вынужден был признать свои былые успехи выдающимся достижением. Теперь ему редко удавалось пробежать больше трех километров без остановки, а с передышками – больше восьми. При этом у него ныли спина, ноги и все тело. Впрочем, как раз это было скорее плюсом. Раньше он любил размышлять на бегу, а теперь боль не давала ему сосредоточиться на этом бессмысленном занятии.

Под конец пробежки повалил снег. Чтобы не наследить в доме, Эй Джей решил снять кроссовки прямо на крыльце. Он слегка прислонился к парадной двери, и та распахнулась настежь. Он помнил, что не запирает дверь на ключ, но все-таки ее захлопнул. Эй Джей щелкнул выключателем. Все как будто было на месте. Кассовый аппарат, похоже, не трогали. Наверное, дверь открыло сквозняком. Эй Джей выключил свет и двинулся к лестнице, но тут услышал пронзительный крик, резкий, похожий на птичий. Крик повторился еще раз, и гораздо громче.

Эй Джей снова включил свет, вернулся к двери и принялся ряд за рядом обходить стеллажи. Вот и последний отдел – обделенная вниманием детская и юношеская литература. На полу с раскрытой на коленях книжкой «Там, где живут чудовища» (одной из немногих иллюстрированных сказок, удостоенных чести оказаться на полке «Острова») сидел ребенок. Довольно большой ребенок, подумал Эй Джей, явно не младенец. Определить возраст ребенка точнее он не мог, потому что никогда не имел дела с детьми. В семье он рос младшим, а своих детей они с Ник так и не завели. Ребенок – девочка – была одета в розовую лыжную курточку. На голове – копна тугих светло-каштановых кудряшек, глаза васильково-синие, а кожа на пару тонов светлее, чем у Эй Джея. Симпатичное создание.

– Ты кто такая? – спросил Эй Джей.

Без всякой видимой причины та перестала плакать и расплылась в улыбке.

– Майя, – ответила она.

С этим справились, подумал Эй Джей.

– Сколько тебе лет?

Майя показала два пальчика.

– Два года?

Она улыбнулась и потянула к нему руки.

– Где твоя мама?

Майя снова заплакала. Иных вариантов не просматривалось, и Эй Джей взял ее на руки. Девочка весила не меньше коробки с двумя дюжинами толстых книг в твердом переплете – нешуточная нагрузка на спину. Малышка обняла Эй Джея за шею, и он ощутил довольно приятный запах, что-то вроде талька и детского масла – ребенок явно не страдал от заброшенности и дурного обращения. Майя не дичилась, была хорошо одета и ждала – точнее говоря, настоятельно требовала, – внимания и ласки. Эй Джей не сомневался, что с минуты на минуту за ней придут родители и все объяснится. Скажем, у папы заглохла машина. Или у мамы внезапно схватило живот. Но с политикой открытых дверей придется покончить. После того, что с ним произошло, Эй Джей совершенно упустил из виду, что незваные гости способны не только что-то украсть, но и кое-что подбросить.

Майя обняла его крепче, и, глядя через ее плечо, Эй Джей заметил на полу кукольного Элмо. На мохнатой красной груди игрушечного монстра белела приколотая булавкой записка. Опустив девочку на пол, он нагнулся за игрушкой. Ему никогда не нравился этот убогий персонаж.

– Элмо! – сказала Майя.

– Ну да, Элмо, – кивнул Эй Джей. Он отколол записку и протянул игрушку девочке. В записке говорилось:

Владельцу этого магазина

Это Майя. Ей двадцать пять месяцев. Она ОЧЕНЬ УМНАЯ, и для своего возраста удивительно хорошо говорит. У нее славный и добрый характер. Мне хочется, чтобы она полюбила книги, чтобы росла среди книг, окруженная людьми, для которых подобные вещи имеют значение. Я очень люблю ее, но больше не могу о ней заботиться. В жизни отца для нее нет места, а у меня нет семьи, которая могла бы мне помочь. Я в безвыходном положении.

Искренне ваша,

Мать Майи.

Черт, подумал Эй Джей.

Майя опять заплакала.

Он взял ее на руки. Похоже, ей пора было сменить подгузник, чего Эй Джей никогда в жизни не делал, хотя с упаковочной бумагой управлялся неплохо. Когда была жива Ник, на Рождество покупателям «Острова» предлагали бесплатную подарочную упаковку. Эй Джей предположил, что смена подгузника потребует тех же навыков, что упаковка книг. Рядом с девочкой стояла сумка, и он понадеялся, что ее оставили здесь как раз на этот случай. К счастью, его надежды оправдались. Он прямо на полу переодел Майю, стараясь не пачкать ковер и поменьше глазеть на ее интимные места. Процедура заняла минут двадцать. Как выяснилось, живые дети отличаются от книг большей подвижностью и меньшей правильностью геометрической формы. Майя наблюдала за ним, склонив голову набок, надув губы и сморщив нос.

– Прости, Майя. Я понимаю, это тебе не морской круиз, и полностью с тобой согласен. Чем раньше ты перестанешь делать это в штаны, тем меньше нам придется этим заниматься, – проговорил Эй Джей.

– Прости, – отозвалась Майя.

Эй Джей почувствовал себя сволочью.

– Нет, это ты прости. Я в этом совершенно не разбираюсь. Я засранец.

– Засранец! – повторила девочка и захихикала.

Эй Джей обул кроссовки, подхватил девочку, сумку и записку и направился в полицейский участок.

Дежурил в этот вечер конечно же начальник полиции Ламбиазе. Судя по всему, ему на роду было написано присутствовать при самых важных в жизни Эй Джей событий.

– Кто-то оставил ее в магазине, – шепотом, чтобы не разбудить уснувшую у него на руках девочку, сказал Эй Джей.

Ламбиазе ел пончик. Смущенный тем, что его застали в подобный момент – кому приятно служить иллюстрацией к пошлomu стереотипу? – он быстро дожевал кусок и произнес не официальным, а вполне человеческим голосом:

– Ух ты, вы здорово смотрите.

– Это не мой ребенок, – все так же шепотом сообщил Эй Джей.

– А чей же?

– Кого-то из покупателей, наверное, – сказал Эй Джей, выуживая из кармана записку и передавая ее Ламбиазе.

– Ничего себе! – воскликнул тот. – Мать подбросила ее вам.

В этот момент Майя открыла глаза и с улыбкой уставилась на Ламбиазе.

– Прелесть какая, а? – Он наклонился к девочке, и та схватила его за усы. – Это кто дергает дядю за усы? – тоненьким голоском просюсюкал Ламбиазе. – Кто хочет украсть у дяди усы?

– Начальник полиции Ламбиазе, по-моему, вы недостаточно серьезно подходите к этому делу.

Ламбиазе кашлянул и выпрямился.

– Ладно. Что мы имеем? Сейчас пятница, девять вечера. Я подам запрос в Управление по делам семьи, но с учетом снегопада, выходных и расписания паромов сомневаюсь, что кто-нибудь доберется сюда раньше понедельника. Попробуем вычислить мать или отца. Вдруг эту начинающую воровку кто-то ищет.

– Майя, – произнесла Майя.

– Тебя зовут Майя? – опять засюсюкал Ламбиазе. – Чудесное имя. – Ламбиазе снова откашлялся. – Кто-то должен побыть с ней в выходные. Мы с ребятами можем по очереди за ней присмотреть. Или...

– Не стоит, – сказал Эй Джей. – Все-таки полицейский участок не самое подходящее место для ребенка.

– Вы что-нибудь знаете об уходе за детьми? – спросил полицейский.

– Это же только на выходные. Разберусь. Позвоню свояченице. А если она чего-то не знает, спрошу у Гугла.

– У Гугла, – повторила девочка.

– «Гугл»! Трудное слово! – удивился Ламбиазе. – Хорошо, зайду к вам в понедельник. Странная штука жизнь, верно? Один крадет у вас книгу, другой оставляет вам ребенка.

– Да уж, – кивнул Эй Джей.

По дороге домой Майя непрерывно рыдала, меняя тональность от воя новогодней дудки до рева пожарной сирены. Эй Джей сообразил, что девочка проголодалась, но вопрос, чем кормить двадцатипятимесячного ребенка, поставил его в тупик. Он оттянул Майе губу, чтобы посмотреть, есть ли у нее зубы. Зубы были, и она попыталась ими воспользоваться, чтобы укусить его за палец. Набрав в Гугле: «Чем кормят ребенка двадцати пяти месяцев?» – он выяснил, что дети в этом возрасте обычно едят то же, что родители. Откуда было Гуглу знать, какой дрянью питался Эй Джей. Холодильник у него был забит готовой быстрозамороженной едой, по большей части перченой. В поисках помощи он позвонил свояченице.

– Исмей, прости, что беспокою, – произнес он в трубку. – Ты, случайно, не знаешь, чем кормят двадцатипятимесячных детей?

– Зачем тебе? – сдавленным голосом спросила она.

Эй Джей объяснил, что ему в магазин подбросили ребенка, и Исмей, немного помедлив, обещала приехать.

– Уверена? – спросил ее Эй Джей. Исмей была на седьмом месяце беременности, и ему не очень хотелось ее тревожить.

– Уверена. Молодец, что позвонил. Величайшего писателя всех времен и народов нет в городе, а у меня все равно последние пару недель бессонница.

Не прошло и получаса, как на пороге появилась Исмей с пакетом домашней стряпни: овощами для салата, лазаньей с тофу и половиной яблочного крамбла.

– Больше ничего не успела, – сказала она.

– Да что ты, все отлично, – похвалил ее Эй Джей. – Моя кухня плохо приспособлена.

– Твоя кухня – это место преступления, – не согласилась она.

При виде Исмей Майя заплакала.

– Наверное, по маме скучает, – предположила Исмей. – Может, я похожа на ее маму?

Эй Джей кивнул, хотя ему показалось, что Майя просто испугалась. У Исмей была модная стрижка, благодаря которой ее ярко-рыжие волосы колючками торчали в разные стороны, светлые глаза, бледная кожа и длинные тонкие руки и ноги. Черты ее лица были чуть крупнее, а движения – чуть резче, чем нужно. Беременность сделала ее похожей на похорошевшего Горлума. Она могла напугать ребенка одним своим хорошо поставленным голосом, наполнявшим собой все помещение. За те пятнадцать – или около того – лет, что Эй Джей знал Исмей, она, по его наблюдениям, постепенно менялась, как меняется стареющая актриса, начавшая с Джульетты, перешедшая к Офелии, потом к Гертруде и, наконец, к Гекате.

Исмей поставила разогревать лазанью.

– Покормить ее? – предложила она Эй Джею.

Майя посматривала на нее с подозрением.

– Не надо, я сам, – отказался он и повернулся к Майе: – Ты умеешь пользоваться ложкой и вилок?

Майя проигнорировала его вопрос.

– У тебя нет детского стульчика, – сказала Исмей. – Надо ее куда-то усадить, чтобы она не упала.

Эй Джей посадил Майю на пол, соорудив из издательских пробников конструкцию в виде буквы «П» и обложив ее изнутри подушками.

Первая ложка лазаньи не встретила сопротивления.

– Надо же, как просто, – удивился Эй Джей.

Но при второй попытке Майя в последний момент отвернулась, и содержимое ложки, включая соус, обильно оросило Эй Джея, подушки и стены книжного форта. Майя тут же снова обернула к Эй Джею сияющее личико, убежденная, что сыграла невероятно остроумную шутку.

– Надеюсь, ты не собирался все это читать, – вздохнула Исмей.

После ужина они уложили малышку спать на матрасике во второй спальне.

– Почему ты не оставил ее в участке? – спросила Исмей.

– Мне показалось, что ей там будет плохо, – ответил он.

– Ты же не хочешь ее удочерить? – Исмей погладила себя по животу.

– Конечно нет. Побуду с ней до понедельника.

– Может, мать передумает и вернется, – сказала Исмей.

Эй Джей протянул ей записку.

– Бедняга, – ахнула Исмей.

– Бедняга, – согласился Эй Джей. – Но я бы так не смог. Не смог бы подбросить своего ребенка в книжный магазин.

– Надо думать, у девочки были на то свои причины, – пожала плечами Исмей.

– С чего ты взяла, что она девочка? Может, это женщина средних лет, попавшая в безвыходное положение.

– Мне кажется, такое письмо могла написать девчонка. Плюс почерк, – объяснила Исмей, запуская пятерню в свои коротко стриженные волосы. – Как ты вообще?

– Нормально, – успокоил ее Эй Джей, ловя себя на мысли, что за несколько последних часов ни разу не вспомнил ни о «Тамерлане», ни о Ник.

Исмей, не слушая возражений Эй Джея, вымыла посуду.

– Я не могу ее оставить, – повторил Эй Джей. – Я живу один. Лишних денег у меня практически нет, а магазину далеко до процветания.

– Конечно, – сказала Исмей. – С твоим образом жизни... – Она вытерла тарелки и поставила их в шкаф. – Хотя немножко свежих овощей в рационе тебе точно не повредит.

Исмей чмокнула его в щеку. Как она похожа и одновременно не похожа на Ник, подумал Эй Джей. Порой ему было невыносимо больно оттого, что они были так похожи (лицом и фигурой); порой – оттого, как разительно непохожи (умом и характером).

– Если еще понадобится моя помощь, дай знать, – сказала Исмей на прощание.

Хотя Ник была младше сестры, она всегда заботилась об Исмей. Она полагала, что та являет собой наглядный пример того, как человек может сам себе испортить жизнь. Исмей поступила в колледж потому, что ей понравились его фотографии в буклете; выскочила замуж потому, что ее жених шикарно выглядел в смокинге; пошла работать в школу потому, что посмотрела потрясающий фильм про учительницу.

«Бедная Исмей, – говорила Ник. – Сколько горьких разочарований!»

«Ей наверняка хотелось бы, чтобы я внимательней относился к ее сестре», – подумал Эй Джей.

– Как постановка? – поинтересовался он у Исмей.

Исмей заулыбалась, мгновенно став похожей на маленькую девочку.

– Честное слово, Эй Джей, я и не знала, что ты в курсе.

– «Салемские ведьмы»⁴, – произнес он. – Твои ученики прибежали в магазин за книжкой.

– Тогда понятно. Между нами, дурацкая пьеса. Но девчонки в восторге – галдят, кривляются, и больше им ничего не надо. В отличие от меня. На репетиции не прихожу без пузырька тайленола. Надеюсь, под эти визги и вопли они хоть что-нибудь узнают об американской истории. Я и выбрала эту пьесу только потому, что в ней много женских персонажей – меньше слез, когда распределяешь роли. Хотя теперь, когда приближается время родов, мне все чаще кажется, что зря я взялась за эту историю. Слишком трагично.

Чувствуя себя в долгу перед Исмей за ужин для девочки, Эй Джей предложил:

– Хочешь, помогу вам раскрасить задник? Или программки распечатаю?

«Что это с тобой?» – хотела спросить Исмей, но сдержалась. Своего зятя она считала самым законченным эгоистом, каких только встречала в жизни, – разумеется, за исключением мужа. Если полдня общения с ребенком так чудесно преобразили Эй Джея, что же будет с Дэниелом, когда у них родится малыш? Поведение зятя внушило ей надежду.

Она погладила себя по животу. У нее там мальчик, которому уже выбрали имя – основное и запасное: на всякий случай, если первое разонравится.

На следующий день, когда выпавший накануне снег начал таять, превращаясь в грязь, к узкой полоске суши возле маяка прибило тело. В кармане утопленницы нашли документы на

⁴ В русских переводах пьесы Артура Миллера *The Crucible* издавалась и шла на сцене под разными названиями: «Салемские колдуньи», «Суровое испытание». – *Прим. ред.*

имя Мэриан Уоллес, и Ламбиазе не составило большого труда сообразить, что найденный труп и подкидывш из книжного магазина самым непосредственным образом связаны между собой.

У Мэриан Уоллес на острове не было ни родных, ни знакомых, и никто не мог сказать, как она здесь очутилась, к кому приезжала и зачем совершила смертельный прыжок в ледяные декабрьские воды залива. Доподлинно было известно немного: что Мэриан Уоллес темнокожая, что ей двадцать два года и что у нее есть дочка двадцати пяти месяцев от роду. В совокупности с посланием, оставленным Эй Джею, получалась неполная, но вполне логичная картина. Блюстители правопорядка пришли к выводу, что Мэриан покончила с собой.

В выходные удалось собрать дополнительную информацию. Мэриан Уоллес училась в Гарварде и получала стипендию. Она была чемпионкой штата Массачусетс по плаванию и увлекалась сочинительством. Родилась в Роксбери. Мать Мэриан умерла от рака, когда дочери было тринадцать. От той же болезни годом ранее скончалась ее бабушка по материнской линии. Отец был наркоманом. В старших классах школы она находилась на воспитании в нескольких патронатных семьях, и одна из патронатных матерей рассказывала, что подростком Мэриан не отрывалась от книг. Кто был отцом ее ребенка, выяснить не удалось. Никто не мог вспомнить, был ли у нее бойфренд. В университете она взяла академический отпуск, потому что провалила предыдущую сессию – не смогла совмещать трудную учебу с уходом за ребенком. Она была умной и симпатичной, и все восприняли ее смерть как трагедию. Но она была бедной и темнокожей, поэтому этой трагедии никто не удивился.

В воскресенье вечером Ламбиазе заехал в книжный проведать Майю и поделиться с Эй Джеем новостями. Когда-то он нянчил младших братьев и сестер и предложил Эй Джею помощь, чтобы тот мог заняться магазином.

– Вы уверены? – спросил Эй Джей. – У вас, наверное, свои дела.

Ламбиазе недавно развелся. Он был женат на однокласснице, в которую был страстно влюблен, и ему понадобилось довольно много времени, чтобы понять, что он не так уж страстно в нее влюблен и что она далеко не так прекрасна, как ему когда-то казалось. Во время ссор она называла его тупым жирдяем. Он вовсе не был тупым, хотя мало читал и почти нигде не бывал. И жирдяем он не был, просто отличался крепким бульдожьим сложением. У него была короткая мускулистая шея, короткие ноги и широкий приплюснутый нос. Не английский, а американский коренастый бульдог.

Ламбиазе не скучал по жене, но, честно говоря, ему хотелось бы, чтобы после работы кто-то его ждал.

Он устроился на полу и взял Майю на руки. Вскоре девочка заснула, и он рассказал Эй Джею все, что удалось узнать о ее матери.

– Странно, – сказал Эй Джей. – Как она вообще оказалась на Элисе? Сюда еще попробуй доберись. Я тут уже много лет, и ко мне родная мать приезжала всего один раз. Вы и правда верите, что она не к кому-то конкретному ехала?

Ламбиазе переложил Майю с одной руки на другую.

– Я думал об этом. Может, она сама не знала, куда едет. Села на первый попавшийся поезд, потом на автобус, потом на паром, вот и оказалась у нас.

Эй Джей из вежливости кивнул, хотя не верил в случайности. Как опытный читатель, он знал, что в каждой истории есть своя логика. Если в первом акте на стене висит ружье, в третьем оно выстрелит.

– Может, она хотела провести последние часы жизни в каком-нибудь живописном месте, – предположил Ламбиазе. – В понедельник за этой красавицей приедет дама из управления. Поскольку родных у матери не было, а кто отец, неизвестно, ей будут подыскивать патронатную семью.

– Незавидная судьба... – проговорил Эй Джей, подсчитывая выручку в кассе.

– Всякое бывает, – вздохнул Ламбиазе. – Правда, она еще маленькая, может, ей повезет?

– Вы сказали, ее мать тоже прошла через это? – Эй Джей начал еще раз пересчитывать деньги.

Ламбиазе молча кивнул.

– Наверное, она думала, что в книжном магазине ей будет лучше.

– Кто ж теперь скажет?

– Я не религиозный человек, шеф Ламбиазе. Я не верю в судьбу. Моя жена верила.

Проснулась Майя и потянулась к Эй Джею. Он закрыл ящик кассы и забрал у Ламбиазе девочку. Полицейскому послышалось, что она назвала Эй Джея папой.

– Уф, сколько раз я ее просил не называть меня так, – сказал Эй Джей. – А она опять за свое.

– Дети, они такие, – сказал Ламбиазе.

– Хотите чего-нибудь выпить?

– С удовольствием. Почему бы и нет?

Эй Джей запер изнутри дверь магазина, поднялся на второй этаж, уложил Майю на матрас и вернулся в гостиную.

– Я не могу взять ребенка, – решительно заявил он. – Я не спал две ночи. Она террористка! Просыпается в какое-то невообразимое время. Похоже, у нее день начинается без четверти четыре утра. Я живу один. У меня нет денег. Нельзя же растить ребенка на одних книгах.

– И то верно, – согласился Ламбиазе.

– Я держусь из последних сил, – продолжал Эй Джей. – Она хуже щенка. А таким, как я, даже щенка нельзя заводить. Она не умеет ходить на горшок, а я даже не представляю, как их к этому приучают. И потом, я никогда не любил детей. Майя мне нравится, но... Собеседник из нее, мягко говоря, специфический. Мы обсуждаем либо Элмо, которого я терпеть не могу, либо Майю. Она абсолютно эгоцентрична.

– За детьми такое водится, – признал Ламбиазе. – Когда она выучит больше слов, с ней станет интереснее.

– Она требует читать ей одну и ту же книгу. Знаете какую? «Монстр на последней странице»! Жуткая дрянь!

Ламбиазе признался, что никогда про такую не слышал.

– Вы уж мне поверьте. У нее отвратительный литературный вкус, – засмеялся Эй Джей.

Ламбиазе снова кивнул и отпил из бокала.

– Никто и не сказал, что вы должны ее оставить.

– Конечно, конечно. Но, как вы думаете, могу я как-то повлиять на то, к кому именно попадет Майя? Она потрясающе умная. Уже знает буквы. Я показал ей алфавит, и она запомнила, какая буква идет за какой. Нельзя, чтобы она досталась каким-нибудь остолопам. Я уже говорил, что не верю в судьбу. Но я чувствую за нее какую-то ответственность. Все-таки мать доверила ее мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.